

Annotation

О портрете работы [Ильи Репина](#).

- [Стасов Владимир Васильевич](#)
 -
 - [В. В. Стасов](#)
 - [Портрет Мусоргского](#)
 - [Комментарии](#)
-

Стасов Владимир Васильевич

Портрет Мусоргского

В. В. Стасов

Портрет Мусоргского

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись. Скульптура. Музыка. Том второй.
М., Государственное издательство "Искусство", 1952.

На этих днях, на передвижной выставке выставлен портрет Мусоргского. Портрет этот -- одно из крупнейших произведений Репина, новый его шаг вперед и, вместе с тем, одна из крупнейших картин всей передвижной выставки, а это значит немало: выставка эта не только самая большая по числу произведений, из всех девяти, до сих пор состоявшихся, но еще и такая, каких вообще у нас немного было и где ярко блещут все лучшие силы Товарищества передвижников. Тут находится портрет С. П. Боткина, одно из великолепнейших созданий И. Н. Крамского, этого таланта, все еще идущего вперед и вперед; тут есть его же превосходный портрет барона Гинцбурга и несколько других прекрасных его портретов; тут есть "Крах", "В четыре руки", "У мирового судьи" В. Маковского -- маленькие chefs d'oeuvre'ы из современной жизни; тут есть превосходные портреты гг. Ярошенко (белокурая девица), К. Маковского (дама в красном платье) и Лемана (француженка под вуалью); превосходные пейзажи гг. Шишкина и Волкова; превосходные сценки из ежедневной жизни: одного слишком долго молчавшего, прежнего талантливого художника (г. Прянишникова "Жестокие романсы") и одного начинающего талантливого художника (г. Кузнецова "В праздник"); виртуозная и блестящая, как бравурная ария оперного певца, картина "Nature morte" К. Е. Маковского; облитый солнцем "Пастушок со стадом" г. Савицкого; немало других еще примечательных художественных созданий и, наконец, прекрасные произведения женщин-художниц (две отличные акварели г-жи Кочетовой и пейзажи г-ж Лагоды-Шишкиной и А. Маковской). Среди всего этого богатства, изумительный портрет Писемского, написанный Репиным, и его же прелестная малороссийская сценка "Вечерницы", полная радости, света, бьющей ключом жизни и комизма. И вот на этом золотом, сияющем фоне выставки вдруг появляется еще, как последний аккорд, как чудная, заключительная нота -- портрет Мусоргского!

Какое счастье, что есть теперь этот портрет на свете. Ведь Мусоргский -- один из самых крупных русских музыкантов, человек,

которого, по всей справедливости, надо было похоронить на кладбище Александро-Невской лавры, вблизи от Глинки и Даргомыжского. По силе, глубине, оригинальности и народности таланта он близко к ним примыкал. Создания его займут великую страницу в истории русской музыки. Конечно, с Мусоргского снято было в прежние годы несколько хороших фотографических портретов; но что такое фотография в сравнении с таким созданием, как портрет, сделанный рукою высокого художника. А Репин мало того, что большой живописец, он еще много лет был связан с Мусоргским дружбою и от всей пламенной души любил и понимал музыкальные творения Мусоргского. Оттого-то и портрет вышел у него таков, что без волнения и радости не взглянет на него никто из тех, у кого есть истинное художественное чувство в душе.

И. Е. Репину привелось увидеть Мусоргского в последний раз в начале поста. Он сам приехал сюда из Москвы для передвижной выставки; Мусоргского он застал уже в Николаевском военном госпитале. По всем признакам судя, Репину в нынешний приезд надо было торопиться с портретом любимого человека: ясно было, что они уже более никогда не увидятся. И вот счастье поблагоприятствовало портрету: в начале поста для Мусоргского наступил такой период болезни, когда он посвежел, приободрился, повеселел, веровал в скорое исцеление и мечтал о новых музыкальных работах, даже в стенах своего военного госпиталя. Надо сказать с глубокою благодарностью: всем этим он был обязан доктору Л. Б. Бертенсону, который относился к нему не только как к пациенту вообще, но еще как к приятелю, другу, к человеку с историческим значением. Помещение, вся обстановка, бесконечное попечение, заботливость -- все это было в госпитале в отношении к Мусоргскому таково, что он многим из друзей и приближенных, навещавших его (в том числе и мне), много раз повторял, что ему тут так хорошо, как будто он находится у себя, дома, среди самых близких родных и сердечнейших попечений. В такую-то пору увиделся с Мусоргским и Репин. Вдобавок ко всему погода стояла чудесная, и большая, с высокими окнами комната, где помещался Мусоргский, была вся залита солнечным светом.

Репину удалось писать свой портрет всего четыре дня: 2-го, 3-го, 4-го и 5-го марта; после того уже начался последний, смертельный

период болезни. Писался этот портрет со всякими неудобствами: у живописца не было даже мольберта, и он должен был кое-как примоститься у столика, перед которым сидел в больничном кресле Мусоргский. Он его представил в халате с малиновыми бархатными отворотами и обшлагами, с наклоненною немного головою, что-то глубоко обдумывающим. Сходство черт лица и выражение поразительны. Из всех, знавших Мусоргского, не было никого, кто не остался бы в восторге от этого портрета -- так он жизнен, так он похож, так он верно и просто передает всю натуру, весь характер, весь внешний облик Мусоргского.

Когда я привез этот портрет на передвижную выставку, я был свидетелем восхищения, радости многих лучших наших художников, товарищей и друзей, но вместе и почитателей Репина. Я счастлив, что видел эту сцену. Один из самых крупных между всеми ими, а как портретист бесспорно наикрупнейший, И. Н. Крамской, увидев этот портрет, просто ахнул от удивления. После первых секунд общего обзора он взял стул, уселся перед портретом, прямо в упор к лицу, и долго-долго не отходил. "Что этот Репин нынче делает,-- сказал он, -- просто непостижимо. Вон посмотрите его портрет Писемского -- какой *chef d'oeuvre*! Что-то такое и Рембрандт, и Веласкес вместе! Но этот, этот портрет будет, пожалуй, еще изумительнее. Тут у него какие-то неслыханные приемы, отроду никем не пробованные -- сам он я и никто больше. Этот портрет писан бог знает как быстро, огненно -- всякий это видит. Но как нарисовано все, какою рукою мастера, как вылеплено, как написано! Посмотрите эти глаза: они глядят, как живые, они задумались, в них нарисовалась вся внутренняя, душевная работа той минуты, а много ли на свете портретов с подобным выражением? А тело, а щеки, лоб, нос, рот -- живое, совсем живое лицо, да еще все в свету, от первой и до последней черточки, все в солнце, без одной тени -- какое создание!" И. Н. Крамской многое еще высказывал в том же смысле, радуясь и любуясь на большого художника, товарища. Но чтоб все это было возможно, и эта радость на товарища, и это художественное торжество оттого, что собрат по искусству идет в гору -- для этого много надо: надо самому носить внутри себя большой талант и большое сердце.

Портрет Мусоргского уже отныне может вполне считаться народным достоянием: еще не видел его и только вследствие известия,

что Репин пишет портрет Мусоргского, его купил за глаза П. М. Третьяков, а ведь всю свою чудную коллекцию русских картин, где столько великолепных портретов крупнейших русских художников и писателей, написанных Перовым, Крамским и Репиным, он уже и теперь завещал московскому публичному музею, т. е. русскому народу.

1881 г.

Комментарии

"ПОРТРЕТ МУСОРГСКОГО". Статья была опубликована в 1881 году ("Голос", 26 марта, No 85).

Портрет Мусоргского работы Репина был выставлен на девятой выставке передвижников. На этой выставке, кроме портрета Мусоргского, представляющего ценнейший вклад в русское портретное искусство, наряду с другими замечательными произведениями -- портретами работы Крамского, Ярошенко, пейзажами Шишкина, картинами В. Маковского, которые мельком отмечены Стасовым, демонстрировалось перед русской публикой и такое выдающееся произведение, как "Утро стрелецкой казни" В. И. Сурикова (1848--1916).

Краткость обзора выставки, которую Стасов оценивает очень положительно, а особенно умолчание о картине Сурикова, возможно, вызваны тем обстоятельством, что в день открытия выставки 1 марта 1881 года народовольцами был убит Александр II, и под живым впечатлением происшедшего события "Утро стрелецкой казни", по ряду ассоциаций, воспринималось очень остро. Об этом обстоятельстве писал Сурикову Репин 3 марта: "Картина ваша почти на всех производит большое впечатление... нападают, ярее всех паршивая академическая партия... Ну, а потом случилось событие, после которого уже не до картин пока..." ("В. И. Суриков. Письма". "Искусство", 1948, стр. 154--155). Однако умолчание о картине Сурикова, которая оценивалась передвижниками как значительное явление, вызвало недовольство. Репин сразу же заявил критику:Я сердит на Вас за пропуск Сурикова. Как это случилось?! ...Вдруг пройти молчанием такого слона!!! Не понимаю -- это страшно меня взорвало" ("И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка", т. II, "Искусство", 1949, стр. 63 {В дальнейшем ссылка на это издание дается условным обозначением -- "III".}). "Картина Сурикова, -- писал Репин

Третьякову, -- делает впечатление неотразимое, глубокое на всех... Она -- наша гордость на этой выставке... Могучая картина!" ("Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым". "Искусство", 1946, стр. 47). Крамской, отмечая, что девятая выставка "особенно велика и, решительно можно сказать, особенно интересна", заявил, что Товарищество обогатилось новым и не известным до сих пор талантом "первого разряда (т. е. нашего русского...)", подчеркивал он, назвав Сурикова (I, 217). Упреки Стасову в недооценке Сурикова были правильны (см. "Выставка передвижников", "Заметки о 24-й выставке передвижников" и комментарии к ним, т. 3).